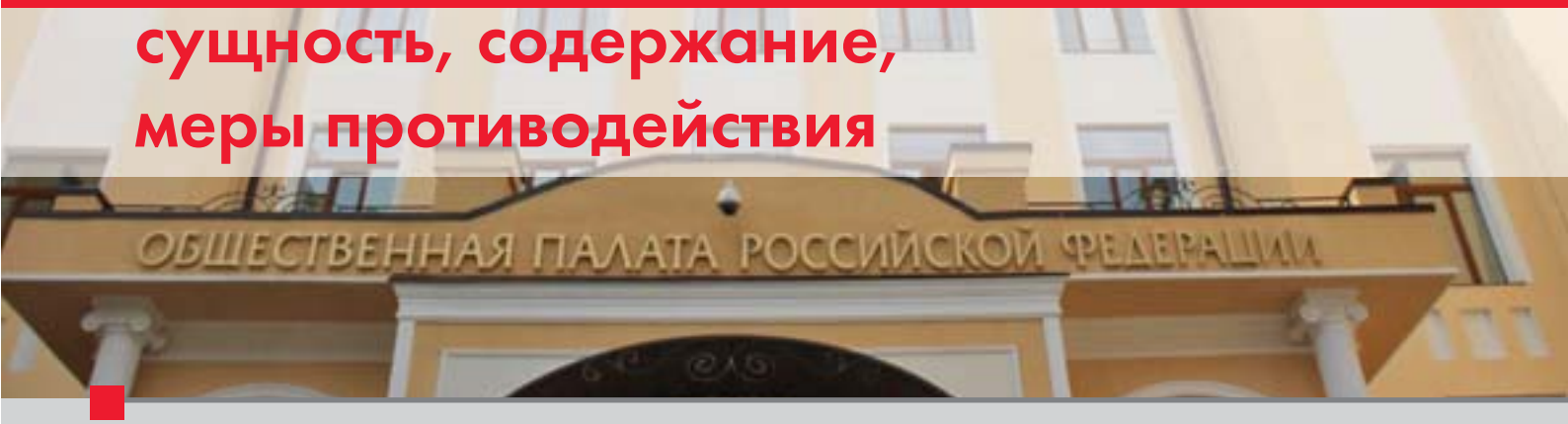
НЕВОЕННЫЕ УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В ВОЕННОЙ СФЕРЕ:

сущность, содержание, меры противодействия



УДК 327.5
DOI: 10.33917/es-6.164.2019.30-43

Вопрос противостояния новому типу угроз национальной безопасности обсудили участники круглого стола, прошедшего в Общественной палате РФ 15 февраля 2019 г. Представители ассоциации «Аналитика», Общественной палаты РФ, Академии военных наук, Министерства обороны РФ, МИД России, Института современной истории МПГУ, МГОУ, Музея Победы, МГУ имени М.В. Ломоносова, РУДН, Российской академии наук, Российского военно-исторического общества оценили масштабы нового типа угроз для российского общества, наметили направления и способы организации противодействия на всех уровнях управления в науке, образовании, экономике, обсудили проблемные вопросы информационной политики.

Ключевые слова
Невоенные угрозы, национальная безопасность, гибридная война, киберпространство, информационная политика.

ОРДЖОНИКИДЗЕ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

председатель Российского общественного совета по международному сотрудничеству и публичной дипломатии при Общественной палате РФ

С.А. Орджоникидзе

Невоенные угрозы национальной безопасности России появились с развитием новой техники, хотя существовали и раньше. Сегодня, когда ядерное оружие есть у целого ряда стран, они приобрели угрожающий характер. Появилась опасность возникновения ядерной войны. Не думаю, что кто-то отважится применить ядерное оружие против нашей страны, понимая, что ответ будет моментальным и предельно разрушительным. Поэтому геополитическая конкуренция сейчас переместилась в область борьбы за ресурсы с коллективным Западом, который под активнейшим давлением США занимается расшатыванием внутриполитической ситуации в РФ и свержением неугодных правительств по всему миру. Запад ведет гибридную войну против нашего государства, и санкции — это главное его оружие.

По всем каналам мы получаем информацию о том, что России нечего делать в Сирии. Лучше деньги, израсходованные в Сирии, использовать для улучшения жизни российских граждан. Нам показывают, как плохо живут российские граждане, а Правительство РФ об этом совсем не думает. Это нацелено на подрыв авторитета нашего президента.

Потеряв превосходство в современных военных технологиях, США видят в России главного военно-политического противника, которого они не превосходят ни по живой силе, ни по вооружениям.

Санкции для крупных европейских стран экономически не выгодны. Наши западные партнеры говорят, что на них оказывается невероятное давление. Получается, что европейские страны — члены НАТО имеют ограниченный суверенитет, если сами не могут принять решение и следуют в фарватере Вашингтона. Сейчас готовится второй пакет санкций против российских физических и юридических лиц. Думаю, это будет продолжаться довольно долго, пока США не поймут бесполезность санкций.

Non-Military Threats to Russia's National Security in the Military Sphere: Essence, Content, Countermeasures

The matter of countering a new type of threats to national security was discussed by participants in the round table held in the Public Chamber of the Russian Federation on February 15, 2019. Representatives of the AAC "Analytica", the Public Chamber of the Russian Federation, Academy of Military Sciences, the RF Ministry of Defense, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, the Institute of Contemporary History of the Moscow State Pedagogical University, Moscow Region State University, the Victory Museum, Lomonosov Moscow State University, RUDN University, the Russian Academy of Sciences and the Russian Military Historical Society assessed the extent of a new type of threats to Russian society, outlined the directions and methods of organizing countermeasures at all management levels in science, education, economy and discussed problematic issues of information policy.

Keywords
Non-war threats, national security, hybrid warfare, cyberspace, information policy.

Китайцы сделали свою собственную платформу для телефонов, почему мы работаем на американской платформе? Почему так тяжело проходит законопроект по Рунету? Американцы могут отключить нам все что угодно, как они отключили Интернет нашим военным в Грузии в 2008 году.

Помимо санкций есть еще информационная война, кибервойна, незаконная торговля оружием, наркотрафик, международный терроризм, раздувание этнических и религиозных конфликтов, незаконная миграция, когда под видом мигрантов подсовывается не пойми кто — от разведчиков и до наркоторговцев.

Есть еще гибридная угроза в киберпространстве. В свое время в ООН мы поставили вопрос о недопустимости использования киберпространства во враждебных целях и предложили подготовить соответствующий документ, который бы носил обязательный характер. Но США и их союзники по НАТО были категорически против. В двустороннем плане мы неоднократно предлагали американской стороне решить этот вопрос — до 2013 года работала двусторонняя группа по кибербезопасности, но они прекратили общение. Мы безрезультатно пытались возобновить процесс. А теперь США обвиняют нас в том, что мы вмешивались в их выборы, используя компьютерные технологии.

Кибербезопасность стоит на повестке дня наших отношений не только с США, но и со странами НАТО. К примеру, на март прошлого года была намечена первая встреча с представителями Германии с целью создать рабочую группу по кибербезопасности, которая, однако, была отложена по инициативе германской стороны. Вот вам двуличие и лицемерие политики коллективного Запада по отношению к нашей стране. Сейчас контрразведка Германии развязала журналистскую кампанию, обвиняя российских государственных лиц в связях с крайне правыми партиями. Дипломатия состоит в том, чтобы знать, какова реальная ситуация в стране — что происходит на правом фланге, что на левом фланге, что в центре — и докладывать руководству объективную информацию. Естественно, мы поддерживали контакты и с правыми, и с левыми, но не для того, чтобы дружить с ними, а чтобы правильно сориентироваться.

Среди других невоенных угроз, с которыми сталкивается Россия, террористические угрозы. В Сирии мы сделали все возможное, чтобы уничтожить терроризм и не допустить его на нашу территорию, но США будут делать все от них зависящее, чтобы этот терроризм подвести поближе к нашим границам в другом районе.

У нас есть и внутренние проблемы. Мы сталкиваемся с искажением истории нашей страны, в том числе в учебниках, которых бесчисленное множество, и они не выдерживают критики. В России нет единого подхода к отечественной истории и единого учебника.

Хорошо, что в последнее время стали появляться российские фильмы о войне. Члены Общественной палаты вместе с продюсерами и режиссерами начали работу по более активному продвижению отечественных фильмов. Это сложно, тут замешаны большие деньги, которые мешают нашей безопасности, — прокатчикам выгодно покупают американскую кинопродукцию и гонят ее, оболванивая молодежь.

Нельзя не вспомнить церковный раскол на Украине, организованный известно кем. Все эти константинопольские священнослужители — американские граждане.

Это лишь малая часть скрытых невоенных угроз, с которыми надо бороться. Для их нейтрализации необходимо привлекать самый широкий круг специалистов в разных областях (юристов, экономистов, военных), а также повышать уровень интеграции.

Российская культура и система образования всегда были одними из лучших в мире. Луначарский, ничего кардинально не меняя, убрал из школьной программы Закон Божий, древнегреческий и латинский языки, которые были никому не нужны. Но базовые предметы и методика остались те же.

Масштаб и темпы изменений, происходящих в мире, требуют синергии всех сторон в процессе решения государственных вопросов. Сейчас у нас много неправительственных организаций, но не все они выполняют те функции, которые бы мы хотели, чтобы они выполняли: взяли бы на себя заботу о людях, о пожилых и престарелых, о детских домах, благотворительность и так далее. Но, к сожалению, многие подобные организации в нашей стране занимаются подрывной деятельностью. Неслучайно мы приняли закон об инагентах. Речь идет о тех, кто получает деньги от других государств и работает на эти государства.

На Украине в начале 1990-х годов было создано более 400 НПО, и именно они активно участвовали в свержении законного правительства и подготовке массовых беспорядков. В Армении создано 350 западных НПО, которые всячески способствуют свержению то одной власти, то другой. Многочисленные НПО действуют и в Казахстане, и в Киргизии.

Проблема «цветных революций» касается не только маленьких стран, но, к сожалению, и России. Смотрите, что творилось в Москве, что происходило в Гонконге и во Франции. Понятно, что все это кем-то организовано. Французский министр иностранных дел публично попросил США прекратить вмешательство во внутренние дела его страны.

В США считают, что нет в мире ни одного региона, ни одной страны, где они не должны были бы доминировать. Когда в Венесуэле Гуайдо объявил себя президентом, его первыми моментально признали американцы, потому что он там 10 лет учился и его «научили» работать. То же может произойти в любой другой стране. Революция имеет разные оттенки, есть разные варианты, уже отработанные американцами.

Летом 2015 года в США был принят закон о поддержке стабильности и демократии на Украине, который также обязывает Госдепартамент продвигать демократию в России как напрямую, так и используя неправительственные организации. На эти цели выделяется 20 миллионов долларов. Представьте, какие инструкции по подрыву государственного строя в нашей стране и финансовые ресурсы фигурируют в закрытых документах.

Общественная палата инициировала создание «горячих» линий по противодействию вербовщикам Исламского государства в России и вовлечению молодежи в деструктивные экстремистские группы. При палате работает Координационный совет по противодействию терроризму, который я возглавляю. Он проводит многочисленные мероприятия, посвященные межнациональному и межрелигиозному диалогу, на международном и внутрироссийском уровнях, осуществляет сотрудничество в области предотвращения экстремизма. Мы также занимаемся адаптацией и интеграцией мигрантов, разработкой методических рекомендаций по противодействию экстремизму.

Е.А. Дербин

ДЕРБИН ЕВГЕНИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ,

доктор военных наук, профессор кафедры информационной безопасности Московского государственного лингвистического университета

В рамках осмысления невоенных угроз речь должна идти о мобилизации не только армии или экономики, но и общественного сознания, всех сил общества. Тут важны национальная идея, национальный дух, самосовершенствование нации.

Раньше мы разделяли войну и мир как две принципиально различные формы существования общества, но в современных условиях эта грань стерта. Война длится непрерывно, возникая то в одном, то в другом регионе, или переходит в латентную форму. Как и раньше, война носит межцивилизационный, межгосударственный, классовый характер. Это социально-политическое явление, связанное с уничтожением власти, прав и самоидентичности жертвы войны. Цели войны — устранение экономической, политической и социальной идентичности. Задача объекта агрессии — сохранение своего суверенитета любыми средствами. Есть несколько направлений реализации концепций невоенной экспансии: западная экономическая, культурная, информационная экспансия, которая

маскируется под закономерные интеграционные процессы.

Академия военных наук представила руководителям Министерства обороны ряд предложений. Речь идет о межгосударственных враждебных действиях, включающих и войну. Если они будут приняты, мы сможем квалифицировать невоенные действия как враждебные и соответствующим образом формировать политику. На этом основано по-своему уникальное определение войны, объединяющее все виды, формы и способы применения сил и средств. Делается вывод о том, что разница между миром и войной в современных условиях с точки зрения опасности для существования любого государства практически стерта.

Отсюда исходят представления об обороне РФ, которые гораздо шире того, что предлагает доктрина военной безопасности. Предусматривается принятие разного рода мер, направленных на сохранение государственной власти, территории, национального достояния, социального капитала и национального богатства РФ. Большая часть предложений по совершенствованию подготовки к вооруженной защите РФ связана не с вооруженными силами и мобилизационным резервом, а именно с состоянием общества, экономики, культуры и с другими аспектами, которые определяют способность нашего народа сопротивляться врагу в любое время и в любых условиях.

Особое внимание следует уделять национально ориентированной внутренней и внешней политике РФ. Слово «национальная» здесь является ключевым. Нам необходимо отказаться от либеральных форм управления экономикой, создать национальную идеологию, обеспечить патриотическую направленность общественного сознания, усовершенствовать государственное управление и планирование сдерживания враждебных действий в военной и социальной сферах, обеспечить эффективную социальную политику и развивать сферу образования и здравоохранения.

Невоенные угрозы как новый способ достижения внешнеполитических целей во многополярном мире

МАТВИЕНКО ЮРИЙ АНДРЕЕВИЧ,

действительный член Академии военных наук

В Стратегии национальной безопасности США (2015 г.) постулируется, что Америка должна доминировать везде в мире. В соответствии с этим документом действует так называемый большой Запад во главе с США.

Сегодня произошел переход от традиционных форм войны к войнам нового типа. Доля силовых средств в разрешении конфликтов уменьшилась с 80 до 20%, а доля информационного воздействия и пропаганды увеличилась с 20 до 80%. Если не получается достичь целей невоенными способами, подключаются вооруженные силы.

Особенностью войн нового типа является то, что в стране — объекте агрессии начинаются информационные вбросы и брожения. Американцы ввели термин «примитивная война». Это цепочка активных воздействий, направленных на смену процесса принятия решений, методология изменения картины мира. Цель — трансформировать в нужном направлении поведение противника. Для этого используются методы социально-политического воздействия, программно-аппаратные воздействия.

В Академии военных наук было предложено следующее определение невоенных угроз: это угрозы безопасности государства, способные в случае их реализации причинить реальный ущерб национальным интересам государства невоенными средствами и способами.

Несколько лет назад на Западе была предложена концепция государственной мишени как совокупности военной, инфраструктурной, экономической, политической систем. У каждой такой системы находятся болевые точки. Если государство функционирует нормально, то вся система работает как положено. Стоит где-то нарушить баланс — и по законам хаоса все может рухнуть. Зачем применять вооруженные силы, если можно подавить экономически и информационно и, воздействуя на важнейшие оперативные объекты, разрушить всю систему?

Еще один термин — «поведенческое оружие». Это совокупность воздействий, направленных

на изменение сознания. Запад перешел от военных действий в рамках стратегии Клаузевица к концепции Сунь-цзы: лучшая война — разрушить замыслы противника и его союзы. Мы это видели в Югославии и видим сейчас на Донбассе. Задача состоит не в уничтожении живой силы, а в изменении мировоззрения населения и разрушении социума. Один из американских генералов заявил, что самое слабое место на поле боя — это мозг солдата.

Наша Ассоциация занялась проблемой невоенных угроз после заявления экс-министра обороны США о том, что Соединенные Штаты впредь решили сделать упор на создании вооружений, которые, с одной стороны, могут обеспечить глобальное доминирование, а с другой — не могут быть скопированы и воспроизведены любой иной страной мира.

Мы определяем «поведенческое оружие» как перспективный вид психологического воздействия, нацеленного на эксплуатацию поведенческих стереотипов, подсознательных паттернов человеческой деятельности, то есть их изменение и использование для достижения других целей. Данная технология согласуется с социальной теорией ролей, в соответствии с которой целью войны является не просто уничтожение врага, а ликвидация его как претендента на роль, в которой собираемся выступать мы сами.

Нам нужно быть готовыми к ведению такого типа войн, так как нас никто не понимает, нас боятся и пытаются разрушать нашу цивилизацию.

Активные мероприятия США в военно-политической сфере и когнитивная безопасность России

АРТЕМОВ АРТЕМ АНАТОЛЬЕВИЧ,

руководитель ООО «НИЦ СТРАТКОМ»

Термин «когнитивная безопасность» появился в 2017 году. Имеются в виду мероприятия в информационной сфере, направленные на изменение культурных ценностей информационного общества. В информационном обществе основной ценностью и главным продуктом являются знания и информация. Культурные ценности — это неоднократно воспроизводимая, то есть культивируемая информация. Соответственно, культура выступает высшей ценностью этого общества. В социально-телекоммуникационной системе люди интегрированы со средствами массовой коммуникации и используют средства для обмена информацией и ее массового распространения. В данном случае социально-телекоммуникационная система является объектом, который воздействует на информационное пространство, выступающее субъектом.

Социально-телекоммуникационная система получает на входе воздействия из физического мира, перерабатывает их и генерирует некоторую новую информацию, которая, если воспроизводится, может считаться знаниями. Если воздействовать на эту систему, изменяя знания, то это процесс изменения культурных ценностей. Чтобы изучать информационное пространство, достаточно посмотреть на изменение модели языка, человека, общества. Наука о единицах культурной информации называется меметикой. Это подход к эволюционным моделям передачи культурной информации и управления культурными ценностями общества на основе концепции мемов.

Любая когнитивная операция, которая связана с обработкой информации, приводит к мутации. Отслеживание мутации позволяет создавать информационное оружие, формирующее общественное мнение в среде потребителей или пользователей социально-коммуникационных систем.

Информационное пространство необходимо защищать, но не тогда, когда обнаружено какое-то воздействие, а в упреждающем порядке. В США его собираются защищать, в том числе от России. Большинство реализованных там программ (Е-мем, Мемекс и т.д.) имеют бюджет более 100 миллионов долларов.

Надо научиться управлять информационным пространством. Сегодня мы проигрываем в развитии информационных технологий, у нас нет собственной технологической базы, зато есть опыт создания действенной идеологии. Надо усложнить современное общество и сделать сложнее самого человека. Предлагается ввести такую программу, как цифровое ГТО, которая призвана обучить людей пользоваться гаджетами, выявлять кампании и участвовать в идеологической работе с населением.

Отсталость — главная угроза России

МАЛИНЕЦКИЙ ГЕОРГИЙ ГЕННАДЬЕВИЧ,

заведующий отделом моделирования нелинейных процессов Института прикладной математики имени М.В. Келдыша РАН, доктор технических наук, профессор

Мы получили из США данные относительно мультифакторной производительности труда и капитала. В течение 10 лет скорость роста была 2,5%, за счет чего удалось создать «золотой миллиард». Это дали три инновации: автоматизация американской промышленности, автомобилизация и новые материалы.

В 2000 году Роберт Солоу провел исследование, чтобы выяснить, где компьютеры максимально повысили производительность труда. Выяснилось, что нигде, кроме производства компьютеров. Поэтому слова относительно цифровой экономики — это блеф, который мы охотно поддерживаем.

Коммунизм рассчитывал на то, что свободный человек продемонстрирует более высокую производительность труда. Либерализм тоже рассчитывает на рост, но за счет свободной конкуренции. Но эти идеологии не сработали. Сегодня мы находимся в преддверии новой идеологии, в точке бифуркации. У нас только три выхода. Первый — будем деградировать до уровня средних веков. Поскольку массу людей нечем занять, компьютер позволит им убивать время, и как они будут это делать, не слишком важно. Второй выход — крупная мировая война, которая отбросит многие регионы на столетия назад. Третий — это новые экономически значимые технологические новации.

Я напомню, что сказал наш президент в послании Федеральному собранию. Изменения в мире носят цивилизационный характер. Масштаб этого вызова требует от нас такого же сильного ответа. Мы готовы дать такой ответ, готовы к настоящему прорыву.

Впервые президент сформулировал четыре новые цели и задачи. Первая — повышение качества жизни и сбережение народа. Вторая — экономический рост и новая индустриализация. Третья — освоение территории и модернизация инфраструктуры. Четвертая — обеспечение национальной безопасности. Первую задачу не решить без выполнения трех остальных.

Ленин говорил, что политика — это концентрированное выражение экономики. Мы можем сказать, что экономика — это концентрированное выражение технологий. Наш вклад в глобальный продукт — 1,8%. Это даже чуть-чуть больше, чем у города Нью-Йорка. Видимо, что-то не так с системой управления, с идеологией.

В 2001 году президент призвал построить инновационную экономику. Доля фирм, которые внедряют инновации, у нас составляет 10%, а в Германии — почти 60%. В Москве сосредоточено 95% всех капиталов. Наша экономика не восприимчива к технологиям и инновациям.

Почему было потеряно30 лет? Чтобы автомобиль поехал, ему нужны колеса и двигатель. В инновационном автомобиле двигателем является прикладная наука, которая была уничтожена в 1990-е. Без прикладной науки у нас нет шансов.

Капитализм в России не состоялся. У нас нет ни одной крупной высокотехнологичной корпорации типа IBM. Нам предлагают в Сколково работать на заокеанского дядю, но это тупиковый путь. В течение 30 лет наша идеология была идеологией неразвития. Россия в качестве сырьевого придатка обеспечивала развитые страны. Необходимы перемены.

Наша страна — родина роботов. Я имею честь работать в Институте прикладной математики, где были найдены основные решения. В РФ на 10 тысяч работающих приходится три робота, в Южной Корее — 640 роботов, в США — 300, в Германии — 170. Роботы — это абсолютно новое качество работы, потому что многое из того, что делает робот, людям уже недоступно.

СССР рухнул, потому что мы обращались с населением, как с неразумными детьми. Сейчас мы делаем ровно то же самое. Национальные проекты испарились, никаких результатов нет, итоги не подводятся, обратная связь отсутствует. Аналогичная ситуация во многих других сферах.

Президент сформулировал задачу освоения территории России. РФ — очень холодная страна, и ее надо осваивать не так, как другие страны.

Сейчас скорость движения по Транссибу 16 километров в час. Ученые предлагают так называемый вакуумный транспорт — возможность по вакуумной трубе гонять грузы со скоростью 6400 километров в час. Компоненты этого проекта сделаны нашим ВПК. Все попытки достучаться до руководства были безрезультатны до тех пор, пока Илон Маск не сказал: «А ведь это интересно!» Наше руководство решило финансировать Илона Маска в этом проекте. В РФ делают ставку на ледоколы, но это суда прошлого. Можно иметь подводные лифты и гораздо дешевле осваивать Северный морской путь.

Мы не заметили научных революций, а их было три. Первая — освоение сланцевой нефти. Вторая — газогидратная революция. Газогидратов на Земле в 100 раз больше, чем обычного газа. Сейчас ряд стран уже отказывается от российского газа и собирается заниматься газогидратами. Третья революция — это революция в области биологии.

Иррациональность решений как невоенная угроза национальной безопасности в военной области

ЕЛЮШКИН ВАЛЕРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ,

член исполкома Ассоциации «Аналитика»

Понятие невоенной угрозы национальной безопасности в военной области отсутствует как в стратегии национальной безопасности, так и в военной доктрине. Но такие угрозы существуют и могут проявляться, например, в виде нанесения прямого или косвенного ущерба потенциальным боевым возможностям и эффективности применения вооруженных сил. Среди причин этого явления — иррациональность, избыточный консерватизм и инертность восприятия в военном деле, самонадеянность и пренебрежение к возможностям потенциального противника, игнорирование факторов ограниченности ресурсов, в том числе людских, а также забвение успехов прошедших войн.

Очевидно, что проблема иррациональности принимаемых решений относится к сфере самосовершенствования нации. Степень влияния иррациональности зависит от того, к какой войне мы готовимся — к ядерной или к конвенциальной, к гибридной или к центрической, к традиционной со сосредоточением живой силы и огневых средств на отдельных направлениях или к современной, когда боевые действия ведутся одновременно и последовательно в нескольких районах при наличии открытого тыла и растянутых незащищенных тыловых коммуникаций силами отдельных подразделений.

Для иллюстрации сказанного я предлагаю рассмотреть проблему геопространственной осведомленности. В 2017 году в Сирии район основных нефтяных полей, занятый антиправительственными силами, был важен для экономического выживания правительства Асада. Правительственные войска начали наступление на этот район, но им помешало неожиданно быстрое повышение скорости течения и глубины реки Евфрат, вызванное сбросом воды из расположенного выше водохранилища, плотина которого контролировалась противником. Внезапно изменившиеся условия ограничили способность войск форсировать реку с помощью простых переправочных средств. Для продолжения форсирования российскими военными был наведен специальный мост, но на это потребовалось пять суток, время было упущено. В январе 2018 года в результате повторного сброса воды этот мост был разрушен. Если первый сброс воды оказался неожиданным, то второй сброс был вполне ожидаемым. Тем не менее военное руководство не учло эту возможность, что свидетельствует об иррациональности принятых решений. При очевидном превосходстве в вооружениях и технике не удалось реализовать намеченную цель, в том числе из-за недостаточной осведомленности руководителя операции о влиянии окружающей среды на военные действия, которая оказалась фатальной. Избежать подобной ситуации можно при наличии системы обеспечения органов управления геопространственными данными. Нужен механизм системной интеграции существующих средств формирования набора пространственных данных, обеспечивающих полноту, точность и достоверность оценки состояния окружающей среды. Важно функциональное взаимодействие добывающих, в том числе разведывательных, структур и четкое распределение зон ответственности. Необходим специальный функционал и современные сред-

ства комплексного анализа влияния окружающей среды на эффективность принимаемых решений в виде специальной структуры в органах управления, ответственных за обеспечение соответствующей информацией.

При проведении военных реформ и создании новой техники во внимание не принималась необходимость достижения требуемой достаточности геопространственной составляющей и ситуационной осведомленности современных органов управления военными действиями. Это свидетельствует как минимум об иррациональности принимаемых решений.

Сегодня требуется готовность и способность признать иррациональность принимаемых решений факторам невоенной угрозы безопасности в военной области. Нужно разработать механизмы предупреждения, включающие меры правового, кадрового, организационно-управленческого и научно-образовательного характера.

Меметические войны и социально-гуманитарные операции на основе эффектов

САВИН ЛЕОНИД ВЛАДИМИРОВИЧ,

главный редактор интернет-портала Геополитика.ру

Мем существует для описания практик конвенций и табу, которые кодифицируют генетический выбор. Мемы самовоспроизводятся или копируются, это своего рода инструкция поведения, которая находится у нас в голове и воспроизводится с помощью имитации разными средствами. Это некие невидимые метафизические сущности, которые передаются в устной и письменной форме посредством подражания. Мемы эволюционируют гораздо быстрее, чем гены.

Есть такое понятие, как «меметический инжиниринг». Это намеренное использование мемов с целью оказания политического воздействия на общество или отдельные группы. Запад использует его против России.

Военную меметику предложил майор морской пехоты США Майкл Проссер. Он называл это нелинейным мышлением и его экстраполяцией в военную этику. Мемы суть инструменты борьбы с идеологией противника.

Принцип меметической войны — вытеснять более мягкими патогенно опасные мемы, то есть те, которые не укладываются в концепцию политической идеологии Запада. Меметическая война есть соперничество за нарративы, идеи и социальный контроль в пространстве социальных медиа. Это формулировка Джефа Джиси, который занимается концепцией меметической войны. НАТО тоже довольно активно использует концепцию меметической войны, в том числе против РФ.

Хэштеги в информационном пространстве — это операционные координаты меметической войны, которые определяют, где, как, какое количество участников ангажировано в эту войну, кто является субъектом воздействия, кто объектом. Есть ряд приложений и программ, позволяющих отслеживать по хэштегам, откуда идет информационный поток. В целом концепция ведения меметической войны сводится к тому, что нужно оценить идею, которую следует внедрить в общество. После этого начинается насыщение меметической индоктринации.

Американские силы специальных операций применяли меметические войны на поле боя в Сирии и Ираке, непосредственно влияя на сознание членов террористических организаций. Такие структуры, как ДАРПА, занимаются меметическими программами, крупные корпорации, работающие в сфере информационных технологий, также используют эти алгоритмы и отслеживают информационные потоки.

Меметическая война является многоуровневой. Она может оказывать влияние либо на определенные целевые группы, либо на общество в целом. Этот фактор нужно учитывать при анализе нового подхода к ведению войн. Сегодня формулу Клаузевица о войне как продолжении политики в насильственной форме нужно несколько изменить: политика — это война иными, иногда ненасильственными средствами. С этой позиции нужно рассматривать мир как некую сублимацию возможности войны.

Концепция принуждающей мощи США и ее применение на практике в Венесуэле и Таджикистане

ПРОХВАТИЛОВ ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ,

президент Академии реальной политики

Изобрести концепцию принуждающей мощи американцы были вынуждены после того, как на примере Ирака и Афганистана убедились, что применение чисто военной силы рискованно, а сама по себе «мягкая сила» во многих случаях не работает. «Мягкая сила» в США — это глобальная сеть *Atlas Network*, которую финансируют правые консервативные либертарианцы братья Кохи. Майк Помпео и Джон Болтон — их выдвиженцы.

Сеть *Atlas Network* мощно представлена в Аргентине, Бразилии, Венесуэле, а также на Украине, где работает их филиал *U.S. Ukraine Foundation* и Международный классический университет имени Филиппа Орлика. Их лозунг — с помощью *think tank* («мыслящих танков») переделать всю планету.

Кибервойны американцы сейчас называют боевым нарративом. В Аризонском университете создан Центр боевого нарратива, где преподают военные. В Джорджтаунском университете читает курс лекций очень известная специалист по информационным атакам Молли Макки.

На постсоветском пространстве применяются новые методы поддержки оппозиции. Скажем, в Киргизии сеть НПО доходит до кишлаков, большинство сельских старост получают гранты от Сороса. Принуждающая мощь представляет собой синергию, творческое взаимодействие белоленточных протестов, криминального мятежа и революционного джихада. Эта методика использовалась три раза в разных вариациях. В 2013 году в Татарстане, когда разбился *Boeing*, на котором летели сын Миниханова и генерал Антонов. Это была репетиция. Затем в Казахстане в 2016 году — волнения в исламистском младшем жузе. Сейчас пытаются это повторить в Таджикистане: радио «Свобода» дает трибуну лидеру партии исламского возрождения Таджикистана, неспокойно в горном Бадахшане, где все разруливают полевые командиры, занимающиеся наркотранзитом. И на данный момент мы не можем этому противодействовать.

Нелетальные способы осуществления противоборства в сетевом пространстве

ВОЛОДЕНКОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор политических наук, профессор кафедры государственной политики МГУ имени М.В. Ломоносова

Маклюэн писал о том, что истинно тотальная война — это война посредством информации. Сегодня нелетальные способы ведения борьбы в информационном пространстве — это сфера компетенции военных.

Сегодня информационное противоборство можно осуществлять, не входя в прямой контакт с противником, что позволяет создавать гибридные формы противоборства.

Информационное противоборство активно поддерживается военными структурами. Центком давно уже использует программы, позволяющие создавать аккаунты, которым по 10, 15, 20 лет, с историей, с фотографиями, со следами активности и работать через них в соответствующем направлении. Их подлинность подтверждается даже *Google*.

Клеппер, который до 2017 года был директором Службы национальной разведки, объявил о начале новой программы по отслеживанию публичных трендов среди новостных порталов, социальных сегментов и блогов с целью прогнозирования грядущих кризисов и революций и нанесения точных информационных ударов в случае

>> Братья Кохи владеют самыми большими хранилищами информации и персональных данных пользователей Интернета.

необходимости. Братья Кохи владеют самыми большими хранилищами информации и персональных данных пользователей Интернета.

По Конституции идеология у нас запрещена, но мы до сих пор ищем национальную идею. Между тем Госдеп США уже много лет активно ведет войну идей. Идет работа в социальных сетях, блогах, вбрасывается позитивный контент о США. Это проекты, которые работают на изменение системы ценностей массовых пользователей, что является одним из элементов ведения гибридной войны, элементом информационного противоборства.

Конкретные технологии можно наблюдать в процессе анализа деятельности в сетевом пространстве 77-й бригады британских военных сил, группы G-Tek. Это фальсификация результатов голосования на сайтах, искусственное повышение числа просмотров страниц конкретных пользователей, управление рейтингами и комментариями.

Идет подготовка сетевых лидеров и активистов для сетевого протеста. Они работают в Грузии, на Украине, в Тунисе, Ливии, Египте. Модель работы ясна: внедряются протестные группы, активируются сетевые спящие ячейки, происходит вброс или внедрение альтернативных идей и символов. Затем следует монополизация повестки, переключение массового внимания, продвижение сетевых протестных лидеров, артикуляция протестных требований, инициирование массовых акций протеста, мобилизация, вирусное распространение информации о репрессиях.

Информационные технологии маргинализации действующей власти и международной легитимизации радикальной оппозиции

МАНОЙЛО АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ,

доктор политических наук, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова

Во время известных событий на Украине использовалась технология конфликтной мобилизации людей и превращения их в агрессивную политизированную толпу, которая в свою очередь превращалась в таран, направленный против действующей власти. Та же самая технология использовалась в Македонии, Армении и Венесуэле, но появились новые детали. Во-первых, американцы снова стали делать ставку на перевороты сверху, замаскированные под перевороты снизу, то есть переворот совершают представители элиты, ближайшие сподвижники, которые превращаются в главных бенефициаров. А массовые протесты выступают в качестве ширмы. В публичное пространство выходит какой-нибудь бывший молодежный лидер типа Гуайдо, желательно выросший в США и получивший там образование, либо какой-нибудь Навальный. Он собирает маргинальную по составу протестную группировку, небольшую, но очень активную.

Несколько лет назад делали ставку на то, что эта активная группировка более заметна. При помощи пропаганды и информационной обработки сознания создавали впечатление, что на самом деле протестует значительная часть народа. Конформистски настроенная инертная масса населения, которая не очень понимала, что происходит, верила в это и начинала поддерживать протестные выступления. Сейчас ситуация другая. В той же Венесуэле люди выходят протестовать, потому что нет работы, нечего есть. В этой ситуации Гуайдо выступает в качестве маргинала, а за маргиналом никто не пойдет. Американцы научились решать эту проблему через выражение публичной поддержки маргинальным оппозиционерам. Пример использования этого инструмента — приглашение Навального на заседание ПАСЕ, где он выступал как влиятельный представитель российской оппозиции. В то же время нашу делегацию туда не приглашали, подчеркивая, что эта делегация маргинальная. Так Навальному обеспечивали статусность и демонстрировали поддержку оппозиции западной общественностью.

К этой технологии прилагается еще один момент: оплата протестных выступлений за счет средств той же страны, находящихся за рубежом. Именно это произошло в Венесуэле. Если такой сценарий спроецировать на российскую действительность, то становится тревожно. Представьте себе, сколько российских активов за рубежом. Все они на заметке. Если их реквизируют и передадут Навальному, то он превратится в крупную фигуру. Это вызовы и угрозы, рецепт противодействия которым пока еще не найден.

Когнитивные технологии компьютерных игр в формате информационного воздействия на молодежь

ФЕДОРЧЕНКО СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,

заместитель декана факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета

Компьютерные игры — это сфера воздействия на молодежь, ее менталитет и политическую идентичность. Представители поколения *Z* не всегда отличают виртуальную реальность от реальной жизни. Но кроме компьютерных игр существуют и другие каналы влияния на молодежь — социальные сети, комиксы, художественная литература, кинематограф.

Субъект воздействия через компьютерные игры пытается повлиять на идентичность молодежи, используя различные символы, метафоры, стереотипы, мифы, фейки и даже звуки. Современная визуализация располагает довольно широким спектром средств манипулирования сознанием.

В Канаде провели исследования и выяснили, что информационное воздействие влияет на физиологию человека. Обнаружилось, что у тех, кто отдает предпочтение «стрелялкам», уменьшается количество серого вещества в гиппокампе. В результате у них возникают проблемы с долгосрочной памятью, они хуже связывают воедино исторические и политические факты.

Известный испанский социолог Эммануэль Кастельс выделяет несколько фреймов, связанных с нарративами, — неуверенности, тревоги, страха и энтузиазма. Через компьютерные игры эти фреймы формируют личность.

Расширение киберпространства как новый источник невоенных угроз национальной безопасности

ПРАВИКОВ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ,

руководитель Научно-образовательного центра новых информационно-аналитических технологий РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина, кандидат технических наук

На факультете комплексной безопасности ТЭК РГУ нефти и газа имени Губкина, который я представляю, проводится исследование киберпространства как явления, несущего в себе какие-то положительные элементы, но в то же время и угрозы. В результате этого исследования вышли две книги из запланированной серии. Первая книга называется «Основы общей теории киберпространства. Теория боя в киберпространстве», вторая — «Основы общей теории киберпространства. Электронные финансы и новая экономика».

Сегодня невоенная сфера в соответствии с решениями, принятыми на уровне высшего политического руководства страны, опирается на цифровую экономику. Но если военная сфера — сугубо национальный продукт, то цифровая экономика является продуктом глобализации. Как следствие возникает противоречие, которое чревато рядом угроз и вызовов. Если, не дай Бог, завтра случится глобальный конфликт и экономика РФ будет переведена на военные рельсы, то цифровая экономика сможет обеспечить только одну модернизацию. Это модернизация старых вычислительных систем. Вторую модернизацию мы не потянем. В этой ситуации единственный шанс — блицкриг.

Цифровизация нашей экономики зависит от иностранных государств. Киберпространство обычно понимают как совокупность компьютеров, объединенных в Глобальную сеть. С другой стороны, сегодня мы видим расширение киберпространства в две сферы — сферу аппаратной базы и сферу социальных сетей.

Расширение в сферу аппаратной базы исследовано минимально. Центральный процессор *Intel* современного компьютера — это компьютер, управляемый другим компьютером. К компьютеру, который является формальным процессором, мы имеем доступ на уровне операционной системы. К управляющему компьютеру имеет доступ только производитель. Поэтому все наши системы, которые считаются защищенными

и базируются на процессорах, разработанных по этой технологии, защищены ровно настолько, насколько наши специалисты некомпетентны в архитектуре вычислительных систем.

Если говорить о расширении киберпространства в социальные сети, то как пример угрозы приведу «Викимапию», которая позволяет описывать географические объекты с достаточно высокой степенью детализации. Это чревато нарушением Закона «О государственной тайне». Отсюда должны быть сделаны какие-то выводы.

В настоящее время расширение киберпространства происходит также в сферу киберфизических систем, то есть тех устройств, которые раньше существовали отдельно, а теперь могут управляться из некоего центра. И тут существует проблема удаленного доступа к этим системам со стороны промышленного производителя, получающего возможность контроля и сбора соответствующей информации.

Поскольку киберпространство сейчас динамично меняется и полного перечня угроз мы не знаем, следует организовать его регулярный мониторинг с целью выявления новых угроз и информирования заинтересованных органов, лиц и подразделений.

Современные технологии противодействия невоенным угрозам в саморазвивающихся полисубъектных средах

ЛЕПСКИЙ ВЛАДИМИР ЕВГЕНЬЕВИЧ,

главный научный сотрудник Института философии РАН

Я хотел бы рассмотреть условия запуска в нашей стране механизмов противодействия невоенным угрозам. Прежде всего нужна национальная идеология, потому что она дает возможность соотнестись с теми базовыми ценностями, на которые мы опираемся. Сегодня о российских традиционных ценностях речь вообще не идет. Необходимо отказаться от навязанного нам вульгарного капитализма.

Нужна проектная модификация общества. Это означает, что люди должны понимать, как их будущее, их интересы и возможности соотносятся с теми стратегическими ориентирами, которыми руководствуется страна и которые поддерживаются соответствующими документами и стратегиями.

Людям нужна уверенность в завтрашнем дне, в противном случае вымирание неизбежно.

Важно обеспечить рефлексию — люди должны понимать и осмысливать свое состояние, состояние своей семьи и страны. Для этого нужны особые, субъектно ориентированные информационные платформы, а их в РФ нет. Все системы управления страной базируются на объектно ориентированном моделировании. У нас сегодня рефлексия блокируется, в частности рефлексию блокирует работа в Интернете — быстрое кликание способствует импульсивности действий. Людьми, у которых отсутствует рефлексия, легко манипулировать, используя современные технологии.

Необходимо обеспечить включенность общества, в том числе науки, в управление страной. В РФ нет стратегического целеполагания, все делается от фонаря.

Сейчас в России господствует этика индивидуализма. Ее формирует система образования, а воспитания у нас вообще нет. Нам нужна этика стратегических субъектов, регулирующих свою деятельность, исходя не только из личных мотивов и потребностей, но и из общих интересов. Такая этика формируется в семье, но у нас институт семьи переживает тяжелый кризис.

Нам нужны люди, которые мыслят глобальными категориями. Если Россия хочет (а она хочет и должна!) быть мировым лидером, по крайней мере мировоззренческим, а потом уже экономическим, то мы должны формировать стратегических субъектов развития планеты.

Сегодня система образования в РФ работает на вчерашний день, а нам необходима опережающая система образования. Только один из пяти выпускников вуза находит работу по специальности. Кому нужно такое образование, зачем мы тратим на это деньги? Надо готовить специалистов для будущего, начиная с воспитанников детских садов и до взрослых, образование должно быть непрерывным. На этой же базе следует растить элиту, которая сейчас у нас в принципе отсутствует.

Сегодня в России ведутся разработки, нацеленные на превращение населения в послушную массу. Надо нейтрализовать негативное влияние цифровой реальности. Нужны совершенно новые виды безопасности, связанные со способностью субъектов к развитию на всех уровнях.

Необходимо изменить концепцию национальной безопасности России — у нас она все еще базируется на концептуальных основах прошлого века. В XXI веке нужно строить национальную безопасность в конвергенции защищенности и развития.

За последние два года мы стали лидерами мировой науки в проблематике управления социальными системами, потому что вышли на понимание кибернетики саморазвивающихся полисубъектных сред. Сегодня мы строим систему управления, реализуя ценностные, фактически ноосферные подходы, но уже в конкретных технологиях.

НКО, некоммерческие организации бескорыстных и социально ответственных людей могут стать локомотивом в обществе, чтобы сформировать идеологию и поставить вопрос о субъектности. Если переориентировать НКО на решение стратегических задач, то они станут мощнейшей движущей силой развития гражданского общества.

Роль социально ориентированных НКО в противодействии невоенным угрозам

АЙГИСТОВ АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ,

руководитель Российского агентства развития информационного общества, президент Общенационального союза некоммерческих организаций, председатель президиума Общественного совета информационного развития «Росинформразвитие»

В декабре 2018 года прошел IX съезд некоммерческих организаций России, было полторы тысячи делегатов из всех субъектов Федерации. В РФ сейчас 265 тысяч некоммерческих организаций, из них примерно 141–142 тысячи — социально ориентированные организации.

Делегаты много говорили о субъектности и субъектоориентированности, о том, что очень сложно жить без идеологии в ситуации, когда идеологией, по сути, становится культ денег и успеха. Вспоминали социальную политику и героизацию труда в СССР и не только ностальгировали, но и размышляли о том, как эту героизацию перенести в сегодня. Решили, что нужно идти к человеку, общаться с людьми, чтобы, как выразился наш президент, найти новые форматы взаимодействия власти и отдельных граждан, власти и общественных структур на территориях.

Делегаты съезда предложили создать независимую децентрализованную непартийную негосударственную систему под условным названием Федеральный народный совет. По мнению делегатов, этот совет мог бы собирать и обобщать предложения от обычных граждан, а затем обрабатывать их и использовать при проведении реформ. Это система влияния на все институты государственного управления, которая обеспечивала бы гарантированное внедрение полученных предложений в первую очередь в рамках местного самоуправления и на малых территориях.

Она должна быть построена по принципу антипартии, хотя принять участие в ее работе могут представители любых партий.

ПЭС 19027 / 11.04.2019